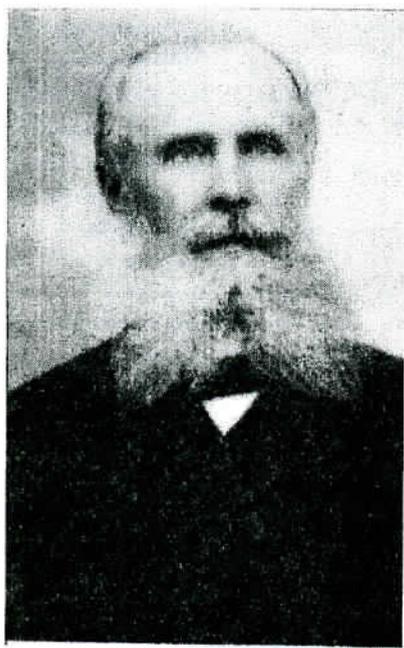

В. П. Наливкин

ИЗ КАЗАЧЬЕГО И НЕКАЗАЧЬЕГО ПРОШЛОГО

Имя и дела Владимира Петровича Наливкина почти неизвестны нашим современникам. О забвении этой необычайной личности немало позаботились идеологи и политики, администраторы, служители науки и культа. Военный, ученый, просветитель, администратор, общественный деятель, писатель, революционер, политик -

В.П. Наливкин

таковы грани нелегкой и многосторонней деятельности В.П. Наливкина. Но не меньшее, а, может быть, даже большее значение имеет для нас моральный облик этого человека. Владимир Петрович являлся поборником истины, справедливости, благородства, трудолюбия, стойкости и независимости. Он был зачинателем дружбы русского и узбекского народов. Простые люди платили ему любовью за любовь. Иное дело - властители и те, кто рвался к власти. Владимир Петрович презирал холуйство, лицемерие, угодничество. Смыслом его жизни стал девиз: «Не сотвори себе кумира». Властолюбцы не могли простить этого ни ему, ни его детям. Конец его жизни был трагичным: он покончил с собой, не выдержав обрушившихся на него несчастий.

Владимир Петрович Наливкин родился 25 февраля 1852 г. в городе Калуге в семье военного. В 1871 г. окончил военную гимназию, а в 1873 г. - Павловское военное училище в Петербурге. В чине хорунжего был отправлен в Оренбург, где служил в конно-артиллерийской бригаде Оренбургского казачьего войска. Будучи командиром ракетного дивизиона, В.П. Наливкин участвовал

в Хивинском и Кокандском походах под командованием М.Д. Скобелева.

Нынешние историки, а также люди, далекие от военной службы, превозносят М.Д. Скобелева чуть ли не как гениального полководца. Но Наливкин, как свидетель, обличает Скобелева - волевого, но бездарного военачальника, любителя демонстративных любовых атак и расправ над мирным населением. М.Б. Скобелев был женат на фрейшине царского двора и некоторое время ходил в любимцах императора Александра III. Действительно талантливый генерал К.П. Кауфман сумел договориться с хивинским ханом о добровольной сдаче Хивы. Обряд обращения хивинцев в подданных России обставили торжественно. И когда торжество было в самом разгаре, Скобелев и его подчиненный Веревкин распорядились открыть огонь из орудий... Царь Александр III публично влетел незадачливому любителю воинских ощущений импера-

торскую оплеуху и отправил его в Болгарию смыть свой позор кровью. В Болгарии Скобелеву повезло больше, чем в Туркестане. Болгары были благодарны ему за свое освобождение. Но и там Скобелев оставался верен себе. Участник балканской войны художник Верещагин написал картину «Солдаты приветствуют генерала М.Д. Скобелева». Снежная равнина покрыта телами русских солдат. А ближе к горизонту слегка обозначен скачущий всадник на фоне строя солдат. Приветствуют генерала Скобелева мертвые солдаты, те самые, которых он послал в лобовую атаку под пушки турок под городом Плевной. Победа была одержана, но какой ценой: обескровленная русская армия была уже неспособна взять Константинополь.

До глубины души потряс Владимира Петровича эпизод военных действий у деревни (кишлака, по местному) Гур-Тюбе (что в переводе на русский язык означает «могильный холм»). В ней оставались только женщины, старики и дети. Увидев приближающуюся русскую армию, они бросились от страха в пески. Тогда Скобелев отдал казакам приказ к атаке: «Шашки наголо! Марш!». Наливкин и его друг Куропаткин поскакали наперерез и остановили большую часть нападавших. Лишь небольшая группа казаков врзалась в толпу бегущих и порубила несколько женщин, стариков и детей. Потрясенный увиденным Наливкин решает оставить военную службу. Вместе со своей горячо любимой женой Марией Владимировной, он поселяется в глухом и небольшом тогда кишлаке Нанай (возле Намангана), приобретает участок земли, рабочий скот, и семья Наливкиных шесть с лишним лет ведет жизнь в полном соответствии с жизнью местного населения - узбеков (или сартов, как их тогда называли). Даже в середине XX в. нанаевцы рассказывали о святом, посетившем их кишлак и жившем среди них. Супруги освоили быт и обычаи местных жителей, оказывали им медицинскую помощь, изучили узбекский, киргизский, таджикский и арабский языки. Они создали первую узбекскую (сартовскую) грамматику и сартово-русский словарь, описали жизнь и быт местных женщин, написали книгу о песках Ферганской долины (после постройки большого Ферганского канала в 30-е годы XX века ферганские пески навсегда исчезли с лица земли), ряд работ, описывающих хозяйственную жизнь местного населения. Наливкиным на основе малодоступных сейчас источников была написана история Кокандского ханства. Имеются сведения о том, что в ташкентской библиотеке имени Алишера Навои (поэта, который считается основателем узбекского литературного языка) хранится рукопись Наливкина с анализом общих корней разных языковых семей. Нахождение этой рукописи поставило бы Наливкина в ряды основоположников ностратического (прачеловеческого) языкознания. В 1884 г. Наливкины переезжают в Ташкент. Начинается просветительский этап деятельности Владимира Петровича. Он преподает местные языки в русско-туземной школе, Туркестанской учительской семинарии, ведет занятия по узбекскому и русскому языкам, истории, этнографии, религиоведению, географии. Наливкин точно указал местонахождение обсерватории великого астронома древности - Улугбека. Именно там, внутри холма Кухак, она и была обнаружена археологом Вяткиным.

До своего выхода в отставку в 1906 г. Владимир Петрович Наливкин занимал различные административные должности: чиновник по особым поручениям при военном губернаторе, заведующий русско-туземным училищем, инспектор Туркестанского учебного округа, помощник военного губернатора. На всех постах он боролся со злоупотреблениями чиновников, с незаконными обложениями коренного населения, попытками администраторов отнять у крестьян землю и выселить их с засиженных мест.

Наливкин не боялся оказывать содействие представителям местных народов, потерпевшим от действий администрации. Однажды полицейский задержал местного старика-крестьянина, которого он, не объясняя причины задержания (поскольку не знал узбекского языка), потащил в участок. По дороге крестьянин, пытаясь на

своим языком убедить пристава отпустить его, произнес фразу, содержащую слово, которое полицейский оценил как «подиш» (царь). Он обвинил старика в оскорблении царского величества. Дело было передано в суд, и, если бы не вмешательство Владимира Петровича, старик оказался бы в тюрьме. Наливкин, хорошо знавший узбекский язык, выступил на суде в качестве эксперта и разъяснил судьям, что старик говорил не о царе, а о полицейском, который вел себя как назойливая муха (по-узбекски «пашиша»). Прокурор отказался от обвинительной речи. Крестьянин был отпущен. Когда Владимир Петрович выходил из зала суда, все присутствующие на заседании узбеки, старики и молодые, встали и низко поклонились своему защитнику.

Другой сферой деятельности Наливкина стала публицистика. В газете «Русский Туркестан» (редактором которой был большевик М.В. Морозов) Владимир Петрович публиковал свои военные мемуары, статьи на общественно-политические темы, обличающие социальную несправедливость. «Фергана, например, - писал он в одной из статей, - за последнее время получает от 40 до 50 миллионов рублей за производимый ею хлопок. Но эти миллионы распределяются главным образом между относительно крупными землевладельцами, между фирмами, производящими скрутку и транспортирование хлопка в Россию, между целым сонмом... торгашей и между владельцами хлопкоочистительных заводов. Рабочий люд получает от всей этой махинации лишь столько, чтобы не умереть с голоду...»¹. Как это похоже на наше время!

Владимир Петрович написал социально-философский трактат «Мое мировоззрение», в котором идеи социализма и необходимость его прихода обосновываются с точки зрения единства биологического и социального в человеке. Наливкин проповедует независимость человека от кумиров собственности и власти. Он пишет о расцвете свободного индивидуализма, об отказе людей от имущества и стяжательства, о переходе к праведной жизни по принципу «все свое ношу с собой». Владимир Петрович Наливкин вместе с супругой Марией Владимировной старались реализовать изложенные в его трактате установки жизни и в своей многочисленной семье. Вот что писал о Наливкине один из немногих исследователей его жизни и творчества Б.В. Лунин: «Труженики всех национальностей стали видеть в Наливкине смелого и энергичного защитника их интересов, носителя передовых идей и взглядов. Со временем он стал одним из самых известных в Туркестане общественно-политических деятелей прогрессивного направления»².

В 1907 г. В.П. Наливкин как кандидат блока прогрессивных избирателей был избран депутатом II Государственной Думы от Туркестана. Выступая перед своими избирателями, Владимир Петрович говорил: «Я - дворянин и поэтому иду в Думу для того, чтобы отречься от своего дворянства. Россия должна стать демократическим государством, служащим народу, а не сословиям и кастам. Я - солдат и иду в Думу, чтобы приняться за прежнее свое дело - войну, войну с теми, кто давит и гнет народ, войну за народное благо и народную свободу... Я - беспартийный, но иду сидеть среди социал-демократов»³. В Думе Наливкин стал членом комиссии по выработке законопроекта об отмене военно-полевых судов. Он выступил в Думе с пламенной речью, клеймившей царское правосудие. «Прежде, - говорил он, - богиню правосудия Фемиду изображали невинной девушкой с повязкой на глазах, а теперь этой даме следует написать на лбу роковые слова: «продается с публичного торга»⁴. Товарищ (помощник) прокурора петербургского суда И. Рубан вызвал В.П. Наливкина на дуэль за оскорбление суда. А рабочие и студенты перед началом заседания Думы встретили Наливкина овацией и внесли его на руках в здание Таврического дворца (место заседаний Думы).

В то время получил известность героический поступок Владимира Петровича Наливкина в бытность его депутатом Государственной Думы. Еще свежи были в сознании людей события 1905 г. На одной из площадей Петербурга собрались рабо-

чие. Против них бросили отряды казаков. Уже готов был казачий полковник произнести роковые слова: «Шашки наголо! Марш! Марш!», как на пролетке на площадь вылетел Наливкин. Он растегнул полы своей генеральской шинели с красной подкладкой. Как казачий генерал Владимир Петрович обратился с речью к своим братьям-казакам. Кровопротития не произошло. Решительная и принципиальная позиция Наливкина получила однозначно положительную оценку различных оппозиционных сил. Лидер большевиков В.И. Ленин назвал Наливкина явлением персонального перехода от буржуазии к пролетариату⁵. Как бы сейчас ни оценивать В.И. Ленина, нельзя не признать, что он был справедлив и независим в оценках людей. Он не боялся высказывать суждения, резко расходящиеся с общепринятыми мнениями. Так, он до сих пор является единственным человеком, не признавшим попа Гапона провокатором и обвинявшим царскую охрану в его убийстве. В.И. Ленин говорил, что в обязанности провокатора не входило отречься от царя и призывать к революции. Он считал попа Гапона христианским социалистом⁶.

Увы, сопоставление имен Ленина и Наливкина наводит на грустные размышления. Так уж повелось у нас на Руси, что великие люди нашего государства при жизни проходят сквозь огонь, воду и медные трубы, а после смерти еще и сквозь словесную грязь и нечистоты. Полтора столетия на Руси в быту распространялись самые грязные анекдоты о полководце Суворове и поэте Пушкине. Автор этой статьи свидетельствует, что еще в пятидесятые годы такие анекдоты имели широкое хождение. До сих пор какая-нибудь мама скажет своему нерадивому сыну или дочке: «А уроки за тебя кто делать будет - Пушкин что ли?». Сейчас в моде грязные анекдоты и высказывания о Чапаеве, Дзержинском и Ленине.

Обливание грязью Наливкина широко развернулось после его смерти. Он был оболган в пьесе Р. Сафарова «Заря Востока» и в примечании к Полному собранию сочинений Ленина⁷. Даже в статьях, сочувственно описывающих жизнь Наливкина, его веру в торжество добра и справедливости называли абстрактной. А вера - она всегда в известном смысле абстрактна. И в этом ее сила по сравнению с констатацией конкретного факта.

Большую наблюдательность и аналитический, провидческий дар проявил Владимир Петрович Наливкин в оценке причин волнений и мятежа местного населения в 1916 году. Он предостерегал царскую администрацию против использования в качестве посредников с местным населением всякого рода инородных и местных прихлебателей - толмачей (переводчиков). Он считал, что русский администратор должен сам владеть местным языком и напрямую общаться с тружениками (отчет Наливкина был потом присвоен Ф. Керенским - отцом будущего премьер-министра Временного правительства России А.Ф. Керенского). Предупреждение В.П. Наливкина игнорировалось как царской, так и советской администрациями. Последняя пошла по пути широкой подготовки двуязычных посреднических структур из местных любителей власти и наживы. Результат известен.

Свержение самодержавия, пробуждение масс и Февральскую революцию Наливкин встретил восторженно и принял безоговорочно. Так уж получилось, что Ташкент был, пожалуй, единственным в Российской империи городом, где с победой Февральской революции власть вначале взял Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Потом был создан Туркестанский комитет Временного правительства во главе с кадетом Щепкиным. 21 июня 1917 г. в Ташкенте открылся II краевой съезд туркестанских организаций РСДРП. На этом съезде выступил Наливкин: «С чувством искренней сердечной радости, - сказал он, - приветствую вас, свободные граждане!... Я беру на себя смелость приветствовать вас от имени социал-демократической фракции II Государственной Думы (долгие аплодисменты). Заранее приветствую те труды, которые вам придется понести... Рано или поздно, они, как звенья, соединят воедино весь трудовой пролетариат и явят собой один из тех камней, из которых мощная и искусная рука жизни создает величественную триум-

фальную арку, пройдя под сводами которой, мировой пролетариат вступит, наконец, победоносно в заветные пределы социал-демократической республики (долго не смолкающие аплодисменты)»⁸.

Под напором масс Щепкин вынужден был уйти в отставку. 19 июля 1917 г. председателем Туркестанского комитета Временного правительства был назначен Владимир Петрович Наливкин. Один из руководителей Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов большевик А.Я. Першин писал: «Мы настояли во что бы то ни стало назначить председателем Туркестанского комитета товарища Наливкина. Лучшей кандидатуры на этот пост в то время едва ли можно было найти»⁹.

Но далее события стали развиваться стремительно и непредсказуемо. В Ташкенте усилился разрыв между большевиками и меньшевиками. В сентябре месяце в городе обострился продовольственный кризис. На массовом митинге было принято решение о переходе всей власти Советам. А.Ф. Керенский объявил сентябрьские события в Ташкенте контрреволюционным мятежом. В.П. Наливкин, как сторонник мирных методов осуществления революции, и возглавляемый им Комитет приняли решение о запрещении на четыре дня митингов, демонстраций и забастовок. Одновременно Наливкин гарантировал неприкосновенность лиц и воинских частей, участвовавших в сентябрьских событиях, и направил телеграмму Временному правительству о ненужности прибытия в Ташкент вооруженного отряда. Он отверг предложение атамана Дутова прислать воинские части для усмирения революционного Ташкента. Но эти меры были запоздалыми. Стачечный комитет станции Ташкент потребовал удаления Наливкина с поста председателя Туркестанского комитета. А вскоре из Казани в Ташкент прибыл воинский отряд Временного правительства во главе с генералом Коровниченко. В сентябре 1917 г. премьер Временного правительства А.Ф. Керенский снял В.П. Наливкина с поста председателя Туркестанского комитета (у А.Ф. Керенского были особые счеты с В.П. Наливкиным: когда-то Владимир Петрович публично назвал отца будущего премьера, бывшего директора Сибирской гимназии Ф. Керенского литературным вором).

В начале ноября в Ташкенте победило вооруженное восстание. Власть стала переходить к революционным Советам. Владимир Петрович отошел от политической деятельности. Многие бывшие друзья - и меньшевики, и большевики - оставили Наливкина. Но самым тяжелым переживанием для Владимира Петровича стала смерть его верной спутницы в жизни - Марии Владимировны. Она скончалась 11 ноября 1917 г. после долгой и тяжелой болезни. Все попытки Владимира Петровича спасти супругу были безуспешными. По воспоминаниям внучки Наливкина - Надежды Владимировны, Владимир Петрович «стал как будто бы не в себе». Родные боялись оставлять его одного. Но однажды не уберегли. Утром 20 января 1918 г. Владимир Петрович ушел из дома. Он пришел на городское русское кладбище и там покончил с собой выстрелом из револьвера. В его фуражке была обнаружена записка с такими словами: «Я не могу согласиться с тем, что делается, но быть врагом своего народа я не могу и ухожу из жизни»¹⁰. Владимир Петрович просил никого не винить в его смерти и пожелал, чтобы похороны были скромными, пролетарскими и гражданскими, «так как я давно уже не принадлежу ни к какой религии»¹¹.

Имеются сведения о том, что после победы вооруженного восстания в Ташкенте к Владимиру Петровичу Наливкину приходил один из руководителей Ташкентского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов В.С. Ляпин, чтобы посоветоваться, как решать новой власти некоторые вопросы, особенно продовольственный. На похоронах Наливкина рабочий-железнодорожник М.Х. Пенкин сказал своему сыну: «Вот, Борис, кто должен быть тебе примером в жизни». Перед гробом один из ораторов высказался о Наливкине так: «Пользуясь библейским сюжетом, скажу, что это был один из тех праведников, ради кого суровый Бог Саваоф пощадил бы Содом и Гоморру»¹².

Когда-то (в 1906-1907 годах) местное население в благодарность В.П. Наливкину построило ему крепкий дом, выдержавший девятибалльное ташкентское землетрясение 1966 г. А когда Владимир Петрович скончался, привезли ему на могилу огромный гранитный камень. На камне были выбиты имена Наливкина и его супруги и слова «Не сотвори себе кумира» - девиз, которому Владимир Петрович Наливкин следовал всю свою жизнь. Но, видимо, не понравилось служителям культа, что на кладбище был похоронен самоубийца (хотя сказано в Евангелии, что Бог будет судить людей по делам их). Камень куда-то увезли. Через два года после смерти Марии Владимировны и Владимира Петровича их могилы были скрыты.

Как будто злой рок спустился над памятью Владимира Петровича. Модным стало поносить и унижать его всячески. Гонениям подверглись и его сыновья. Но память о Владимире Петровиче и Марии Владимировне не погибла. О них писали Ю.О. Якубовский, В.В. Бартольд, Л. Резцов, Б.В. Лунин. Бережно хранили память о своих предках наследники Наливкиных. Иван Борисович Наливкин написал книгу о своем деде.

Не погасла свеча памяти о Наливкиных. Добрые дела не должны быть забыты. Ждет своей публикации и книга И.Б. Наливкина. Жизнь и деятельность Наливкина заслуживает изучения, как бы ни относиться к способу его ухода из жизни.

Мнения потомков семьи Наливкина о месте захоронения Владимира Петровича и Марии Владимировны разделились. Ясно одно: они были похоронены на нынешнем Боткинском кладбище города Ташкента. От ворот кладбища метров триста идет довольно широкая асфальтированная аллея до Александро-Невской церкви, изукрашенной снаружи и изнутри великолепными росписями русских художников. По левую сторону аллеи - самые старые захоронения. Сохранился даже один склеп (семейство Гориздро). По рассказам Надежды Владимировны Бородиной (внучки В.П. Наливкина) и ее мужа Сергея Владимировича Бородина, Владимир Петрович Наливкин покончил с собой здесь - по левую сторону аллеи между двумя арками (арка - среднеазиатское многолетнее хвойное дерево типа можжевельника, но достаточно высокое - как русская елка средних размеров). Сергей Владимирович показал мне место гибели В.П. Наливкина летом 1997 г. Сохранились и обе арки. На этом месте, по рассказам Надежды Владимировны, была могила домработницы Наливкиных - Грушеньки. По мнению Сергея Владимировича, здесь была похоронена и Мария Владимировна - супруга В.П. Наливкина. На этом же месте, по заверениям С.П. Бородина, был похоронен и Владимир Петрович. Могила эта не сохранилась.

Другую версию излагала мне когда-то ныне покойная Надежда Владимировна. Супруга Владимира Петровича Наливкина Марья Владимировна была похоронена слева от церкви (или справа - если идти от ворот кладбища), то есть захоронение было в другом месте. Того же мнения был и внук Владимира Петровича - Иван Борисович. Маленькой девочкой Надежда Владимировна была на месте гибели дедушки. По следам на снегу родственники определили, что Владимир Петрович Наливкин прежде чем застрелиться, пошел на могилу своей жены Марии Владимировны. Судя по затоптанному снегу и следам носков от сапог, он, расстелив шинель, стоял на коленях перед могилой. А потом он пошел мимо церкви на другую сторону центральной аллеи, подошел к могиле Грушеньки и там, между двумя арками, застрелился.

Признаюсь, меня рассказ Надежды Владимировны в свое время (это были 70-е годы) озадачил. А почему он не застрелился на могиле жены, как об этом настойчиво писали его биографы, например, Б. Лунин. Чтобы хоть как-то понять поведение В.П. Наливкина, надо попытаться представить себя на его месте. Ведь Владимир Петрович был интеллигентным, то есть образованным и культурным человеком, отлично понимающим, в какое положение он ставит себя по отношению к окружающим его людям - близким, знакомым и чужим - своим поступком. И от сознания этих обстоя-

тельство он едва ли был свободен даже в последние, самые трагичные мгновения своей жизни. Он, конечно же, понимал, что его как самоубийцу не могли похоронить возле церкви, рядом со своей супругой. Он простился с ней и ушел туда, где, по его мнению, его могли похоронить.

Итак, по версии Надежды Владимировны Бородиной, Владимир Петрович был похоронен не там, где застрелился, а в одной могиле со своей покойной супругой Марией Владимировной возле церкви. Однако могила Наливкиных была разрушена. Надежда Владимировна рассказывала мне, как еще девочкой она вместе со своей сестрой побежала на кладбище, где совершалось кощунство. Две девочки стояли и плакали перед разрываемой могилой. Молили гробокопателей: «Зачем вы выкапываете бабушку и дедушку?». А пожилая монашка в черном одеянии гнала их: «Изыди, бесовское отродие!». Не простили церковники самоубийства В.П. Наливкина и надругались не только над его прахом, но и над прахом Марии Владимировны.

Увы, есть еще такие люди, которые догмат ставят выше святости. Многим еще хочется быть святее папы римского. Вспоминается мне другой случай. Хоронили мы как-то нашу старую знакомую Татьяну Михайловну Кукушкину. Женщина она была одинокая (из родственников была у нее только молодая племянница). Умирала она тяжело и просила, когда будем ее хоронить, чтобы положили ей цветы в гроб. Мы так и сделали. Тут подбежала молодая племянница, со скандалом стала выбрасывать из гроба цветы на землю, мотивируя это тем, что мы (знакомые и соседи) поступаем вопреки христианскому обычаю. Все были в оцепенении. Никто не стал перечить. Да и обстановка была не такая, чтобы вступать в пререкания у гроба. У многих на глазах были слезы. А службу вел молоденький священник, совсем еще мальчишка. Но мудрость и такт, которые он проявил в этой ситуации, достойны упоминания. Мы объяснили ему, что не хотели нарушать обычаев, что такова была воля покойной. «Я вижу у Вас на глазах слезы, - обратился молодой батюшка ко мне, - Вы любите покойную?». «Да», - отвечаю. «Бог будет судить Вас не по тому, как Вы совершили обряд, а по чистоте Ваших помыслов», - сказал священник, обращаясь к людям. Затем он наклонился, поднял с земли каждый цветок, стряхнул с цветов пыль, положил их в гроб и распорядился, чтобы забили крышку. Жалею, что не помню имени молодого батюшки.

Для чего я пишу обо всем этом. Неужели и дальше мы будем жить по догматам, а не по совести и справедливости. Неужели нужно было надругаться над могилой и прахом человека только потому, что он, не выдержав мерзостей жизни, покончил с собой? А за что надругались над прахом Марии Владимировны? Почему на упоминание имен В.П. Наливкина и его супруги после их смерти был наложен запрет? Почему Владимира Петровича оболгали в пьесе «Заря Востока»? Почему гонения распространились на его детей и внуков? Когда же мы, наконец, научимся воздавать должное предкам за добрые дела (а не за должности или следование пустым догмам)?!

Было время, когда Россия посылала своих сыновей и дочерей осваивать присоединенные к ней пространства, устанавливая добрые отношения с жившим там населением, своим трудом подымать хозяйство, строить новую жизнь и культуру. Теперь русское население бывших окраин страны оказалось брошенным и преданным. Оно живет в атмосфере русофобии, униженности и нищеты. И никто не вспомнит там о славных россиянах, чьим умом, трудом и честью создавалось могущество страны. Долг живущих в России - вспомнить о них.

Россия, не забывай своих сыновей!

¹ Наливкин И.Б. Имя твое – Учитель (Повесть о Владимире Петровиче Наливкине, составленная его внуком). Рукопись, частное собрание.

² Лунин Б.В. Еще одна замечательная жизнь// Звезда Востока. -1990. - №9. - С. 112-118.

³ Наливкин И.Б. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Ленин В.И. Сила и слабость русской революции// Полное собрание сочинений. Том -15. – М., 1961. - С. 220-228. О В.П. Наливкине - в указателе имен. - С. 547.

⁶ Ленин В.И. Революционные дни. Поп Гапон// Полное собрание сочинений. - Том 9. – М., 1967. - С. 210-211.

⁷ Там же.

⁸ Наливкин И.Б. Указ. соч.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Указ. соч.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

*Вступительная статья и подготовка текста к публикации
В.М. Бельдяина*

Прослужив несколько лучших лет юности в оренбургском казачьем войске, в силу этого оказался в положении человека, навсегда связанного нравственными узами с казачеством, на которое, очевидно, поэтизируя его незаметно для самого себя, до последнего времени смотрел как на носителя великих заветов нашей всеказачьей матери Сечи Запорожской, заветов равенства и свободы. Эта нравственная связь помимо воли часто оказывалась так или иначе по поговорке: «Свой своему поневоле брат». Так, например, 23 апреля 1903 года в городе Маргелан на празднике 6-го оренбургского и 1-го семиреченского полков я сказал речь, которую во всех подробностях, конечно, восстановить не могу. В общих же чертах я сказал так: «Благоговей, как казак, перед памятью великого казачьего поэта Т.Г. Шевченко, думаю, что он впал в некоторое преувеличение, оплакав полную, якобы, гибель старого казачества и его заветов в своих стихах: Гетманы, гетманы, колыб то ви встали, Встали-б, подывыльсь на той Чигирин, Шшо ви будовалы, дэ ви панувалы, Заплакалы-б важко, бо ви-б не пизнали Козацькой слави убогих руин».

Да, бесспорно, навеки погибла наша великая мать, Сечь Запорожская, сломленная политическими бурями. Погибло материнское древо казачества, но могучие отпрыски его вековых корней воспрянули на берегах Дона, на Урале, на Кубани, на Иртыше и на Амуре, и никогда ещё, быть может, казачество не было таким мощным как теперь. Я хочу верить, что до сих пор нет преград, которые не смел бы бурный, могучий поток нашей казачьей лавы. Я хочу верить, что казачество хранит, свято бережет внутри себя великие заветы своей Матери, которые только и способны делать нас казаками. Увы! Через год я уже ничего не мог сказать на казачьем празднике, действительность сокрушила иллюзии по части могущества потока, именуемого казачьей лавой, и заставила думать, что этот поток отныне лишь достояние истории. Прошло еще два года. Воинствующие генералы и полковники, потерпевшие большие и малые аварии на полях Манчжурии, оказались необычайно «кровопролытными» на иных полях, и печальнейшая действительность заставила усомниться в том, что казачество хранит заветы своего относительно великого прошлого. Отсюда естественным образом явилось желание по возможности разобраться в некоторой путанице пережитых в свое время верований, иллюзий, сомнений и разочарований, разобраться правдиво, добросовестно.

Отнюдь не желая брать на себя роль адвоката или защитника казачества, с которым я связан старыми нравственными узами, я хочу в настоящей статье сказать лишь несколько слов голой, неподкрашенной, беспристрастной правды о том, каким образом, при посредстве каких «мероприятий» казака-защитника границ необъятной Руси, казак-носителя заветов Сечи Запорожской, систематически превращали в человека с малоразвитой рыцарской воинской доблестью, в человека с искусственно культивировавшейся в нем склонностью к небрежению существеннейшими правами человека-гражданина.

Обратитесь к местной военно-судебной хронике за последние 20-30 лет и вы увидите, что наибольшая часть таких правонарушений как похищение фруктов и овощей из туземных садов и огородов, как ограбление туземцев, проезжающих мимо казарм или лагерей, приходится не на регулярные, «солдатские», а на казачьи части. Я хочу сказать несколько правдивых слов о том, отчего это так, а не иначе, и кто, по моему мнению, должен считаться повинным в этом.

В октябре 1872 года после производства в офицеры, я прибыл к месту служения в I батарею Оренбургского казачьего войска, квартировавшую тогда в Ташкенте. С первых же шагов мне бросилось в глаза нижеследующее обстоятельство. Почти против нашей батареи, через улицу, помещалась «солдатская» I батарея туркестанской общей артиллерийской бригады. «Солдатская» казарма общей батареи была выше и просторней нашей, казачьей. В общей батарее имелись конюшни, «у нас их не было». Кони нашей батареи, артиллерийские и казачьи, круглый год стояли на открытом воздухе. Содержать их хотя бы в относительной чистоте не представлялось возможным. Осенью с наступлением холодов покрытые коротенькими и жиденькими форменными попонками из серого солдатского сукна, не защищавшими их ни от дождя, ни от холода, кони обрастали густой длинной шерстью, которая на дожде и мокром снегу скручивалась, отчего часть коней, наиболее длинношерстных, в середине зимы походили скорее на овчарок или пуделей, чем на лошадей.

В еще худшем положении были казачьи сотни, за исключением так называемой «сборной», состоявшей из оренбургских, уральских, сибирских и семиреченских казаков и бывшей личным конвоем генерал-губернатора. Во всех остальных сотнях нижние чины помещались в невообразимо скверных лачугах, которые ни в каком случае не могли претендовать даже на название казармы. Ни конюшен, ни навесов для коней не было; коновязи, как и в нашей батарее, были на открытом воздухе.

На мои вопросы, с которыми я обращался по этому поводу к разным лицам, я получал от всех один и тот же ответ: «Высшее начальство считает, что казаков баловать не следует, и что казачьи «маштаки» не издохнут и на открытом воздухе». Пища нижних чинов в казачьих сотнях, невзирая на добросовестные отношения к делу многих сотенных командиров, была обыкновенно значительно хуже, чем в регулярных частях.

Главнейшей причиной этого были «порядки», в силу которых казаки, в особенности же оренбургские, приходили на (двухлетнюю) службу в Туркестанский край отдельными сотнями, имевшими каждая свое отдельное, маленькое и при том кратковременное хозяйство. Эти разрозненные, не имевшие между собой никакой ни материальной, ни нравственной связи сотни, находились в областях в ведении начальников областных штабов, причем иногда в Ташкенте и в Самарканде какой-нибудь свободный, ничем решительно не занятый штаб-офицер временно получал титул начальника кавалерии. В действительности же никакого наблюдения, никакого надзора ни за довольствием, ни за строевым образованием в сотнях не было. Вместе с тем справедливость требует сказать, что во многих сотнях и наблюдать, строго говоря, было не за чем, ибо по причине вышеупомянутых «порядков» налицо в сотнях никогда не было «списочного состояния», так как громадное число казаков непрерывно находилось в так называемом «расходе», который в те времена (даже значительно позже) доходил до невероятных, гомерических размеров и подразделялся на три главнейших категории.

Во-первых, на казаках лежало конвоирование бесчисленных, медленно двигавшихся (на верблюдах, реже на арбах) артиллерийских, интендантских и иных транспортов. Эти транспорты, двигаясь черепашьим шагом, шли, например, от Оренбурга до Ташкента, смотря по времени года, от 3,5 до 5 месяцев. «Сопроводив» какой-нибудь транспорт, скажем, от Перовска до Ташкента, казаки часто попадали в конвоиры другого, шедшего из Ташкента в Самарканд, по возвращении откуда дорогой в Чимкент узнавали, что их сотня или переведена из Перовска, или спущена на льготу. Их временно прикомандировывали на довольствие к чужой сотне в Чимкенте впредь до направления или в

свою сотню, или в войско. Путаница шла невероятная, причём не поддавалось описанию то состояние, в которое приходили во время этих странствий кони, сёдла, обмундировка и шестилинейные, заряжавшиеся с дула винтовки казаков, все их собственное снаряжение, с которым они через четыре года после спуска на льготу должны были вновь идти на службу.

Второй категорией, или вторым видом приснопамятного «расхода» был наряд в драбанты (денщики), в вестовые и в конвоиры путешествовавших знатных и незнатных иностранцев и не иностранцев, имевших надобность или просто желавших ехать куда-либо не на почтовых, а верхом. Кроме своих, казачьих офицеров, сотенные казаки (казаки артиллеристы избегали этой участи) служили драбантами и вестовыми у офицеров и чиновников разных штабов, у топографов, у интендантских чиновников, командировавшихся с разными поручениями, у военных священников, у всех тех, кто имел возможность при посредстве областного штаба или какого-либо высокопоставленного лица выхватить из рядов сотни раба-казака. Этот раб-казак трепался за офицером или чиновником в качестве жокея; он служил конюхом, поваром и лакеем, он нянчил его детей, он мыл и гладил утюгом юбки офицерши или чиновницы.

Положивши руку на сердце, скажите, читатель, по совести, могла ли эта рабски лакейская обстановка выработать в казаке рыцаря, могла ли она служить поддержанию в нем заветов свободолюбивого Запорожья, могла ли она не убивать постепенно в этом казаке нравственный облик подобия Божия, и не было ли это глумлением над казаком?

Третьим видом того же пресловутого «расхода» была служба на почтовых станциях. В те приснопамятные времена почтовый тракт от срока до Ташкента и от Ташкента до Аулизата был оборудован нижеследующим образом. На станциях, именовавшихся нашим простонародьем и туземцами «бекетами», стояли казачьи пикеты исключительно нашего оренбургского казачьего войска. На каждом пикете было от 3 до 6 казаков. Старший из них, иногда урядник или приказный, чаще грамотный казак, нёс обязанности почтового старосты. Остальные, находясь в безотчетном распоряжении и в беспрекословном повиновении у старшего, сопровождали почту и проезжающих, когда в степи было «неспокойно», возили эстафеты и летучки, ставили самовары проезжающим, исполняли обязанности ямщиков, когда последние по разным причинам разбегались со станций. Лошадей для гоньбы доставляло ближайшее киргизское население. На станциях одни казаки служили месяцами, другие годами. Я могу указать в Ташкенте отставного оренбургского казака, который, по его собственным словам, почти всю свою службу отслужил с колокольчиками. Спросите у этих казаков, сколько раз и по сколько месяцев они не получали ни денежного, ни другого какого-либо довольствия, сколько они не дополучали из причитавшегося им содержания, сколько раз их били проезжавшие пьяные офицеры и чиновники, спросите их, как часто и как подолгу они голодали на отдаленных от городов глухих станциях, с какой жадностью они смотрели на провизию проезжавших, как часто и каким способом они крали сухари и хлеб у проезжающих, а баранов и волов у соседей киргиз, крали, понуждаемые к этому муками голода.

А если хотите, я вам скажу сам, как голодные казаки «служившие с колокольчиками», крали волов. Тёмной ночью казаки, иногда вступив в профессиональный союз с ямщиками, по большей части пришлыми, оренбургскими и сибирскими киргизами, угоняли из ближайшего аула вола, сейчас же резали его, а требушину или зарывали в землю, или сбрасывали в Дарью, если станция была на берегу реки. Часть кожи отсвеживалась, отрезалась, скажем, одна задняя ляжка, остальную тушу ночью же клали в повозку обратного ямщика. Последний вез оставшуюся часть быка на свою станцию, там опять отделялась часть туши, а остальное гнали дальше. На конечном пункте, станции за 3-4, шкура продавалась по сходной цене заезжему скупщику, киргизу или татарину. На 3-4 пикетах казаки не голодали в течение нескольких дней. На первый раз одним было «страшно», другим «совестно». Потом «привыкали». Недаром на Руси говорят: только первую песенку зардевшись спеть.

Скажите, читатель, по совести, могла ли эта служба «с колокольчиками» служить делу развития в казаках военной доблести? Скажите, какое нравственное достоинство приносили с собой в станицы все эти Ивановы, Карповы, Мехайловы и иные, «имя же им легион», служившие в лакеях, стиравшие юбки, отслужившие свою квазиказачью службу с колокольчиками? Что слышали от них в станицах казаки-подростки? К чему готовились эти подростки, наслушавшись тлетворных рассказов о казачьей службе в лакеях и о казачьей службе «с колокольчиками»? А эти рассказы пересказывались тысячами уст. Я не могу дать точных цифровых данных, но приблизительные имею. В 1873 году, насколько помнится, в округе было свыше 30 одних только оренбургских сотен, кроме уральских, сибирских и семиреченских. Итого, следовательно, свыше 3000 одних только оренбургских казаков. Стало быть, при двухлетнем сроке очередной службы, в войско ежегодно уходит свыше 1500 человек. В отношении оренбургских казаков ни в каком случае не будет ошибкой, если мы скажем, что в среднем «расход» был не менее 1/3 списочного состава. Думаю, что с этим согласятся все бывшие сотенные командиры того времени. Рассчитайте, какой выйдет итог, что развращалось тогдашними «порядками» в мирное время. Одной из главнейших, отрицательных сторон войны несомненно является то обстоятельство, что война, выворачивая наизнанку весь кодекс этики культурной части человечества, не только допускает, но даже и санкционирует такие деяния, которые в обычное, так называемое «мирное» время, всеми считаются незаконными, позорными, преступными. К числу таких деяний принадлежит, между прочим, грабёж, насильственное, с оружием в руках, присвоение чужой собственности, деяние, получившее в нашем военном обиходе якобы облагороженные названия «реквизиций», «фуражировок» и пр., а у нас в Туркестане долгое время именовавшееся «барантой». На основании того, что мне пришлось лично видеть и пережить, а равно и того, что явствует даже из нашей официальной, казённой военной истории, во многом далекой от истины, я позволяю себе утверждать, что все эти реквизиции и фуражировки, бесспорно развращающие войска, лишь в очень редких, исключительных случаях представляются действительно неизбежными и необходимыми. В громадном же большинстве случаев они являются или следствием крайне неудовлетворительного, крайне скверного состояния интендантской части и повального воровства интендантских чиновников, засвидетельствованного литературой в отношении многих войн, не исключая севастопольской войны и последней турецкой кампании, или же результатом той деморализации, той разнузданности в указанном отношении, которая всегда замечалась в конце каждой кампании, в конце каждого военного похода, и примеры которой приведены мною в статье «Мои воспоминания о Скобелеве». Помимо того, что во всех вообще армиях очень медленно вымирало оставшееся в наследие от древней и средней истории представление права победителя на жизнь и все имущество побежденного, иллюстрацией чему может служить поведение французов в Москве в 1812 году, возмутительная обстановка продовольствия армии долгое время неизбежно толкали их на путь грабежа и других насилий.

Если этого вида деморализации не могли в свое время избежать регулярные войска, то как могли избежать их наши казачьи части? Правительство и высшее военное начальство издавна установили к казакам весьма оригинальные, чтобы не сказать больше, отношения. Они смотрели на казаков как на неоценимую военную силу, которой раньше завидовала Западная Европа, причем благодаря удали, сметливости и непостижимой выносливости казака, а равно и его коня, находили, что заботиться об этом «разбойнике» не стоит, ибо все то, что нужно для того, чтобы казак и его «маштак» не издох, этот казак «сам добудет». Достаточно сказать, что еще в 60-х годах казачий хорунжий (прапорщик) на действительной службе получал двадцать рублей жалованья в месяц. При таких отношениях к нему свыше казаку, в особенности в военное время, не оставалось ничего более, как «добывать». Он знал об этом с пелёнок, он слышал об этом от деда, от отца и от дяди, он готовился к этому, состоя в подростках, он мечтал об этом «добывании», собираясь в первый для него поход.

Приехав в 1872 г. в Ташкент и вскоре же познакомившись с массой наводнявших тогда этот город казачьих офицеров разных возрастов и разных рангов, я слышал от многих из них множество рассказов о том, как войска вообще, а казаки в особенности, «барантовали» в Ташкенте, в Уратюбе, в Джизаке, в Самарканде. Из этих живых, правдивых рассказов, а потом и из того, что мне пришлось видеть и наблюдать лично, я пришел к убеждению, что среди казачьих офицеров того времени, в особенности среди молодежи, было немало таких, которые смотрели на «баранту» лишь как на лихую забаву вроде «джигитовки».

Я помню такой случай. Наш отряд был в туркменской экспедиции зимой 1874 г. Мой товарищ по батарее, В.М.Я-в, с которым в Петро-Александровске я жил в одной комнате, а раньше сделал вместе с ним хивинский поход, которого я знал очень близко как человека безусловно нелюбостыжательного, командовал ракетным дивизионом. Мы шли мимо туркменских зимовок брошенных их хозяевами, ушедшими при нашем приближении в степь. За зимовками, примерно в версте от нас виднелись кучки туркменских наездников. Вдруг, откуда ни возьмись, красивый, оседланный белый конь. Сильным растяжным галопом он летел шагах в трехстах от нас, а затем повернул вправо, пошел навстречу туркменам. Не вытерпело юное ретивое сердце. Васька отделился от дивизиона, пригнулся к луке и полным карьером полетел за белым конём, рискуя попасть или под туркменскую пулю или под туркменскую шашку. Он быстро догнал коня, ловко подхватил его под узды и умелым «вольтом налево» повернул к отряду, куда и вернулся с этим конем вполне благополучно через несколько минут. Не стоимость коня раззадорила Ваську. Нет. Захотелось «поджигитовать», захотелось выпить бокал сильного ощущения, захотелось показать и товарищам-офицерам и казакам, что он не чужд староказачьей удали, что он по меньшей мере не хуже других.

Однако же справедливость требует сказать, что такие отношения к баранте проявляло меньшинство. Большинство, в особенности старые офицеры, относились к баранте с более практической точки зрения, причём иногда высказывали весьма оригинальные мнения. Помню, один старый, ветхозаветного образа уральский штаб-офицер, как и все уральцы сильно пришепетывавший, произносивший вместо «Семен»-«Шемён», говорил так: «Чудно мне слушать этих «солдатских» офицеров, о казаках говорят, а казачьей натуры не знают, наш казак, ведь он от рождения вроде как дипломат какой-нибудь: что ни положьте - все стянет».

Другой наш оренбургский есаул, выслужившийся из казаков, с четырьмя солдатскими Георгиями, лихой рубака и беззаветно правдивый человек, с особым умилением вспоминал свое походное прошлое. «Хорошо, - говорил он, - в походе. Всё своё, некушленное. Солдатские, те голодают бывало, а мы всегда с провизией. Удивляешься, бывало, нашим казачишкам, до какой степени они «стараются». Сам, шут его возьми, по целым суткам не жрёт, а командира накормит. Под Джизаком насчет провизии уж на что скудно было, а мы, казачьи офицеры, все-таки мало голодали. Верите ли, под пулями разбойники кур ловили. Собираешься, бывало, голодным спать ложиться, смотришь, а он курицу вареную тащит.

-Где, говорю, взял?

-Стараемся, гыть, ваше благородие, потому, очень голодно.

-Словно он тебе не казак, а мамка какая. Ну, нигде так хорошо не было, как в Самарканде. Взяли это мы, значит, Самарканд, постояли сколько времени, пошли к Катта-Кургану. Гарнизон остался в крепости небольшой. Стоим мы в Катта-Кургане, а тут пали вести, что самаркандские сарты взбунтовались, воду отвели и крепость осадили, нашим крышка приходит. Сейчас форсированным маршем назад, на выручку. Пошли, сартов расчехарили. Тут Кауфман, чтобы сартам, значит, напредки неповадно было, вроде как для науки, отдал город войскам на разграбление на три дня. Три, говорит, дня все ваше, ну только как «отбой» проиграют, то после отбоя шабаш, чтобы ни одна душа больше в городе не грабила.

Что смеху было с этими, с солдатишками. Не умеют они барантовать. Настоящей сноровки у них нет. Дни были жаркие, печёт. Бросились которые на базар. Пешие они, а норовят зацепить побольше, опять же барантуют врознь, каждый за себя. У лавки дверь выломает, видит, ковры. Зацепит, который побольше, да покрасней, пойдёт в лагерь. С полверсты пробежит с ним, упыхается, умается, раз-два отдохнёт, а потом плюнет, бросит и опять на базар. Вместо ковра возьмет либо одеяло, либо кумган какой. Встретит товарища, тот его выругает: на что дурак позорился, этому дерьму грош цена, ты беги вон за этот за угол, там, гыть, серебрянниковы лавки: кольца, серьги серебрянные. Бросается туда, а там все чисто, все уже вылушили. Верите ли, иной эдакий дурак в лагерь то вернется почитай что с пустыми руками, чуть не плачет. А в лагере, сударь мой, столпотворение идёт: лагерь не лагерь, базар не базар. Тут и ковры, тут и одеяла, тут и материи, и вещи разные, и кони, - чего хочешь, того просишь. И все-то, сударь мой, за грош идет, за бесценок, потому что солдату с этим добром некуда, в ранце не унесешь.

Иному коню цена 100-150 рублей, а солдат его за 5, много за 10 рублей продаёт. По 3, по 4 рубля такие ковры мы покупали, которые потом по 40, по 50 рублей можно было бы продавать, хорошо, у кого на такой случай деньжата есть. Вы, вот, в собрании денежки-то зря не просаживайте, до весны поберегите; весной, Бог велит, в Хиву пойдём, может статья, и там этакие-то случаи будут».

Пришла весна, и действительно в начале марта (1873 г.) мы двинулись в Хивинский поход. Нашим туркестанским отрядом командовал бывший военный губернатор и командующий войсками Сыр-Дарьинской области генерал Головачёв. При нашем же отряде со своим штабом и главной квартирой, состоявшей главным образом из так называемых «фазанов», совершенно праздных лиц, отправлявшихся в поход лишь для получения чинов и орденов, следовал и К.П.Кауфман в качестве главнокомандующего тремя отрядами, нашим, оренбургским и кавказским, которые должны были по возможности одновременно прийти с трех сторон к Хиве. На урочище Клы, около Джизака, к нам присоединились части, пришедшие из Самарканда и Ходжента. Отсюда отряд тронулся 13-го марта.

Первые пять переходов мы шли по холмистой подошве Нурагинских гор. От Темир-Кабука и вплоть до Аму-Дарьи перед нами лежала Кызыл-Кумская степь, сухая, безводная, с горько соленой водой в колодцах, с полным почти отсутствием травянистой растительности. На дневках казаки руками рвали и собирали «джусан», мелкую степную полынь, «полюнок», как они называли, но кони жевали его очень неохотно. Коня шли на одном ячмене и, несмотря на это, уже на первых колодцах, Балтасалдырь, дача была уменьшена. Вместо 13 фунтов, полагавшихся тогда по походному положению, артиллерийские лошади стал получать 10, а через несколько дней только 7 фунтов ячменя, ибо интендантский транспорт где-то отстал и достоверных сведений о нем не было.

Всю Пасху мы простояли в томительном бездействии на колодцах Арыстан-белкудук. Наконец транспорт пришел. Но когда наша батарея стала принимать кули с сухарями, то последние оказались наполовину червивыми. В отряде стали говорить, что эти кули прибыли сюда не на верблюдах (весь наш обоз был верблюжий), а на червях. Впоследствии интендантский чиновник, имевший большое касательство к этому делу, был прозван «ходячим кулем», но он не особенно огорчился этим обидным названием, так как горечь последнего в достаточной мере компенсировалась домами, возникшими после вполне благополучного завершения этой операции.

В начале мая, потеряв уже значительную часть верблюдов, павших от бескормицы и непосильного труда, мы тронулись к колодцам Адам Кырылган. Солнце пекло, люди и лошади вязли в сыпучем песке, верблюды валились как мухи. Отряд остановился среди песков. Идти дальше оказалось невозможным. Велено было немедленно сжечь все частное имущество офицеров и нижних чинов, чтобы облегчить обоз. Произведя эту операцию, как оказалось впоследствии далеко не в совершенном виде, мы свернули с большой караванной дороги вправо и проползли с грехом пополам верст 6-7, остановились на колодцах Алты-Кудук, где простояли долгое время.

На второй или на третий день нашей стоянки на Алты-Кудуке мой драбант, Донецкой станицы казак Егор Самойлов, с таинственным видом протащил откуда-то в палатку мой чемодан с вещами, который я считал совсем сгоревшим. На мой вопрос о том, почему он не сжег чемодана, когда в обозе жгли все вещи, Егор ответил так: «Ты что, ваше благородие? Дурак я или сумашедший! Стану я твое добро жечь!». Мне вспомнились вышеприведенные слова дяди Афиногена: «Словно он тебе не казак, а мамка какая».

На Алты-Кудуке сухарей, риса и ячменя было достаточно. Порционного скота было уже очень мало. Мало было и воды в колодцах. На каждого обер-офицера отпускалось по полведра горькосолоной воды в сутки. Один киргиз, вожатый верблюдов, умер около нашей батареи от жажды.

Положение отряда было критическое. Расстояние до Аму-Дарьи в точности не было известно. Часть отряда с Кауфманом и Головачевым совсем налегке с небольшим запасом сухарей и ячменя, забрав всех тех верблюдов, которые еще были в состоянии волочить ноги, двинулись дальше. От батарей пошел наш второй дивизион, при котором следовал и батарейный командир М.М. Перельгин. Прочия части остались до поры до времени на Алты-Кудуке под начальством командира 3-го стрелкового батальона полковника Новомлинского. Около 15 мая, когда мы вышли уже на Аму-Дарью и стояли не то на Ички-Яре, не то на Мешекли, у всех у нас в дивизионе у офицеров и казаков подвело животы от голода, мы несколько дней шли уже на одних сухарях и на чаю из невероятно мутной Аму-Дарьинской воды. Казаки где-то на ата-туркменских зимовках в ямах, в которых туземцы хранят зерно, раздобыли пуда 1,5 - 2 джугары. Принесли, разумеется, к вахмистру, bravому казаку Унольной станицы Ильину. «Так и так, Пал Петрович, трухменского семени разстарались». Вахмистр, прицепив невзирая на лютый голод шашку, явился к батарейному командиру. «Ваше-скобродие! Так что казаки самого этого трухменского семени разстарались. Как прикажете?». «Отдай кашеварам, вели сейчас же варить». Вахмистр сказал «слушаю-сь», повернулся и ушел.

Весь дивизион с понятным нетерпением ждал каши из трухменского семени. Прошел час, прошло два, три, а каши все нет как нет. «Да вы, что же, варите семя-то или нет?». «Уж который час варим, вот-брат, да оно не варится». Оказалось, что джугара необдранная, в шелухе, и конечно в таком виде развариться не может. Вынули из котла и сголоду все, не исключая и командира, стали есть неразварившуюся джугуру, которую даже непривычные лошади и те неохотно едят после овса и ячменя.

После артиллерийского дела (18 мая) при переправе через Дарью на урочище Ак-Камыш отряд переправился через Аму и остановился тут же, на безлюдном пустынном берегу реки. В незначительном отдалении виднелся культурный оазис: поля, сады, отдельные курганчи, хутора, брошенные жителями. Голодали по-прежнему. На следующий день после переправы утром велено было нарядить от каждой команды казаков, которые под прикрытием пехоты должны были идти на фуражировку добывать провизию и фураж. От дивизиона шел я с несколькими казаками, которым были розданы косы, а мне было приказано добыть клеверу для коней. Тронулись, втянулись в оазис, выслали вперед стрелковую цепь и заставы. Стали разводять команды фуражиров в разные стороны. До нас очередь дошла не скоро. Наконец и нам указали клеверное поле, на котором мы должны косить. Вокруг нас солдаты и сотенные казаки уже ловили коров, телят и кур.

Только что мои казаки смешались и принялись за косы, завистливо поглядывая на ловлю разной живности, как в цепи затрещали выстрелы. Стали пролетать пули. Я торопил казаков. Перестрелка делалась все оживлённой и оживлённой, всё чаще и чаще пролетали пули. Кто-то проскакал и крикнул, что в цепи тяжело ранен штабс-капитан Скворцов (4 лин. бат). Выстрелы стали слышаться все ближе и ближе. Прискакал один из адъютантов Головачёва и передал приказание: фуражирам немедленно уходить в лагерь. Мы вернулись с небольшим количеством зеленого клевера, не привезя с собой ничего съестного. Солдаты и сотенные казаки с навешенными на плечи и на седла курами, гнали волов, коров и телят. К вечеру во всем отряде - импровизированная масленица, а у нас в дивизионе по-прежнему величайший пост.

Вижу казаки ходят хмурые. Прошу М.М. Перельгина разрешить мне опять отправиться на фуражировку уже специально за мясом. Сначала он наотрез отказался в виду того, что в случае какой-либо беды для М.М. эта история фуражировки без разрешения могла окончиться очень печально, так как Кауфман недолго любил Перельгина, назначенного помимо его желания. После долгих переговоров с остальными офицерами решено было так: если во время фуражировки что-нибудь случится со мной или с казаками, то я заявлю, что увел казаков без разрешения командира батареи.

Взяв человек 10 «надежных» доброконных казаков, в сумерки с непринуждённым, но деловым видом я выехал с ними из лагеря. Светил молодой месяц. Отъехав версты 2 от лагеря мы пошли на рысях по знакомым уже местам, где, однако же, все было пусто - точно саранча прошла. Пришлось рысать дальше. Стали попадаться волы и коровы. Казаки живо половили штук 10-12 крупного рогатого скота и двух-трех лошадей. Дальше наткнулись было на хивинцев, но все благополучно окончилось несколькими выстрелами, которые вряд ли были слышны в лагере, так мы забрались довольно далеко. Месяц садился, когда мы повернули назад. Проезжая мимо большой курганчи, казаки в отворенные ворота увидели 2-3 нагруженных арбы, стоявших посредине двора.

- Ваше благородие, - взмолились казаки, - дозвоьте взять! Смилуйтесь над нами! Оборвались, обносились за поход, всю нашу «шара-бару» в степе пожгли! Дозвольте! Всё одно хозяевам этого добра не видать. Завтра сотенные набегут, всё ихнее будет.

Грешный человек, я не устоял, «дозволил». Скот загнали в курганчу. Там же казаки спешились, а я остался на всякий случай на коне снаружи у ворот. На каждую арбу вскочил казак с шашкой и разрубил арканы, сбросив кошмы, которыми были закрыты вещи, стали бросать на землю халаты, пояса, материал, штаны, рубахи и проч. рухлядь. Через 15-20 мин. казаки уже были на конях. «Шарабара» была в хуржунах, в седельных подушках, в голенищах сапогов, в штанах и за рубахами. Ничего не было видно, ничто не торчало. Только полнее стали. Заблудившись ночью, мои казаки как будто несколько не с той стороны, с которой выехали, попали в лагерь, да мы прогнали скот мимо сартовской четырехугольной палатки Головачёва, растянутой на колышках. Один из волов задел ногой за бичёвку и вырвал кол. Раздался гневный возглас Головачёва.

- Какая там скотина мою палатку опрокидывает? Кто там шатается?

- Казаки, ваше превосходительство. Порционный скот гоним. Прощения просим за беспокойство.

Верблюдов через Аму не переправляли. Их отослали обратно, на Алты-кудук к оставшимся там частям. Захватив в ближайших окрестностях лагеря незначительное число арб, отряд продвинулся еще верст на 8 и опять стал бивуаком, истребляя наподобие саранчи вокруг себя все, что было ему на потребу. Надо было добыть большое число арб для того, чтобы иметь возможность добраться до Хивы, до которой оставалось всего 2-3 перехода. Арбы решено было добыть в Хазараспе, небольшом хивинском городке, находившемся в нескольких верстах от нашего бивуака. По имевшимся от лазутчиков сведениям, хивинские войска оставили Хазарасп, а население сидит на местах в расчете, что мы пройдем в Хиву прямой дорогой, минуя их город.

Утром (это было около 25 мая) летучий отряд под командой Головачёва форсированным маршем пошел в Хазарасп. В городе по-видимому нас не ждали, и наше появление было совершенно неожиданным сюрпризом. Мы влетели туда на рысях и остановились, когда голова отряда дошла цитадели и тотчас же заняли её. Наш дивизион остановился, не слезая с коней, в какой-то узенькой кривой улице. Я стоял с левой стороны головного, 5-го орудия.

Вслед за тем, как мы остановились, на противоположной, правой стороне улицы распахнулась калитка, из которой выскочила на улицу молодая, красивая туземка, в домашнем костюме с открытым лицом. Она, видимо, хотела или посмотреть, что такое случилось на улице, или перебежать на противоположную сторону. Увидев нас, она громко вскрикнула, откинулась назад и прислонилась к косяку. В течении нескольких секунд она

смотрела на нас глазами полных ужаса, затем ее красивое лицо исказилось, и она начала хохотать диким, нечеловеческим голосом. Два или три казака спешили, подошли к ней, бережно взяли ее на руки и понесли во двор, ибо упав здесь, в узенькой улице, она могла попасть или под колесо орудия, или под ноги лошадей. Когда казаки брали ее на руки, она уже не боялась их, она только дико, безумно хохотала. Она сошла с ума.

Читатель, когда человечество перестанет забавляться этими дикими забавами?

Мы простояли в этом переулке довольно долго, в цитадели тем временем происходило следующее: подполковник Иванов (впоследствии туркестанский генерал-губернатор), назначенный временным губернатором Хазараспа, делал распоряжения о сборе арб. Через час «джарчи», глашатаи, оповещали уже об этом жителей. Н.А. Иванов с конвоем и данными в его распоряжение офицерами остался в цитадели, а нас вывели за город и расположили на пол. В городе ловили арбакешей с лошадьми и арбами, ловили лошадей, отбирали арбы, ловили людей и сажали их на непринадлежавших им лошадей, запрягавшихся в чьи-то арбы, производилась «реквизиция» перевозочных средств.

М.М. Перелыгин заметил, между прочим, что хорошо было бы иметь дивизиону на всякий случай хоть одну свою арбу, ибо, кто ж его знает, когда и сколько дадут нам «казенных» арб. На общем совете решили, что лучшим исполнителем такого деликатного поручения был бы драбант Н.А.Ермолова, казак татарин Кельметьев. Позвали Кельметьева. М.М., дав ему с совершенно серьезным видом двугривенный, сказал: «Съезди, братец, в город, купи арбу с лошадыю. Кельметьев со столь же серьезным видом взял двугривенный, сел на коня и уехал. Не прошло и часа, как он вернулся с запряженной арбой и, подавая командиру пять копеек, сказал: «Извольте, ваше высокоблагородие, получить сдачи».

29 мая мы заняли Хиву. Отряд немедленно был выведен за город. С ним выехал туда же и Кауфман. В ханском дворце, откуда хан бежал с несколькими нукерами, не успев ничего вывезти, поместился Головачев со своей свитой. На площади около дворца в качестве внутреннего караула были оставлены: саперная рота, рота I-го стрелкового батальона и мой взвод. Часть саперной роты была введена во дворец. Что там делалось, я не видел. Я видел только, что туда входили и выходили и офицеры, и солдаты, некоторые выносили оттуда разные вещи. Мы с утра ничего не ели. Голод давал себя чувствовать. При мне и при казаках ничего съестного и никакого фуража не было. Всё было в обозе, за городом.

Под вечер я увидел, что из дворца вышел знакомый мне подполковник, состоявший при Головачёве. Я подошел к нему и стал советоваться, как мне быть. Запустив руку в карман, достав оттуда горсть новеньких хивинских тенег и показав их мне, мой знакомый сказал, что он может ссудить мне несколько рублей, но сомневается, чтобы они помогли в только что занятом городе, а потому советует обратиться к начальнику отдела.

Я пошел к Головачёву: Так и так, говорю, ваше превосходительство, ни людей, ни коней кормить мне нечем, как прикажете?

-Вы в какой батарее служите?

-В казачьей, ваше превосходительство.

-У ваших казаков шашки и нагайки есть?

-Так точно, ваше превосходительство.

-Так потрудитесь, хорунжий, распорядиться, чтобы в вашем взводе немедленно же было все нужное для казаков и коней.

-Слушаю, ваше превосходительство.

Пошел к взводу, позвал вахмистра, который был вместе с тем и уносным фейерверкером 5-го орудия.

-Ильин, начальник отряда приказал, чтобы сейчас все было. Пошли человек пять казаков.

-Слушаю, ваше благородие.

Поздно вечером, когда казаки поужинали и убрали коней, Головачев прислал мне ватное платовое одеяло.

На следующий день утром на той самой площади, на которой мы стояли, был случай, предвиденный и предсказанный зимой дядей Афиногеном. Сапёры, стрелки и казаки из конвоя начальника отряда продавали одеяла, материи и иную «шарабару». Мне ничего не удалось купить, так как в кармане не было ни гроша денег.

Через несколько дней, проезжая по городу, я увидел три или четыре виселицы, на которых болтались какие-то несчастные, тощие туземцы. Оказалось нижеследующее: по приговору полевого суда были повешены рабы-персияне, уличенные в том, что вслед за занятием города нашими войсками, они, предавшись грабежу, насильственно завладели чужой собственностью, украли несколько лепёшек. По приказанию генерала Кауфмана и по постановлению скорого и правого полевого суда эти многомученики были повешены. Я называю их многомучениками потому, что они несколько раз приняли мученический венец. Они были мучениками, когда туркмены, поймав их где-то в северо-восточной Персии, связанными волокли через всю Туркмению и Хиву. Они были мучениками, когда те же туркмены несколько раз выводили их в Хиве на базар вместе с продававшимся одновременно с ними домашним скотом. Они были мучениками, когда проданные хивинцам голодали и работали как домашний скот. Когда пришли русские, они, рабы-персияне, чуя близость свободы, поторопились утолить голод чужими лепёшками. Четвертый и последний венец мученичества возложил на их головы скорый и правый полевой суд. Я глубоко убежден в том, что читатель не хуже меня знаком с историей казачества, с историей, начавшейся величаво, продолжавшейся печально, заканчивающейся горестно для всех тех, кому дорого великое прошлое нашего казачества. Зная это, я все-таки прошу позволения напомнить главнейшие моменты поучительной истории.

Когда после Ивана Калиты относительно быстро слагавшийся, ещё неcodифицированный, но уже достаточно окрепший «домострой» взаимными усилиями попов, дьяков и бояр начинал все сильнее и безжалостней давить каждое проявление свободной мысли, ещё не привыкшей ни к цепям, выковавшимся Москвой, ни к ухудшающей атмосфере возникших впоследствии приказов и патриаршего двора, всё мощное физически и нравственно, всё жаждавшее свободы и относительно человеческой жизни, всё имевшее возможность бежать из московской духовной темницы, бежало из Москвы, направляясь на первое время главным образом на юго-запад, в промежуток между Днпром и Доном. Эти свободолюбивые и сильные духом люди, не могшие помириться с физическим и духовным рабством, усердно культивировавшимся Москвой, бежали в южные, во всех отношениях привольные степи, не боясь неизбежно предстоявшей им борьбы с будущими соседями, воинственными инородцами, решив или погибнуть, или добиться возможности свободной сколько-нибудь человеческой жизни, без московских цепей, без московского ярма. На первое время разрозненный и неорганизованный весь этот люд, присвоивший себе название «казаков», постепенно стал получать все более и более прочную и устойчивую политическую и социальную организацию одновременно с тем, как в низовьях Днепра возникла Сечь. Сечь являла собой военное безбратное общество, организованное на коммунистических началах, жидившееся на основах «свободы, равенства и братства». Это была военная социал-демократическая республика. Основной военной задачей Сечи на первое время было ограждение прилегающих к ней с севера «христианских» областей казачьей же Украины и Польши от набегов крымских татар и турок. На первое время кроме татар и турок других врагов у Сечи и у Украины (гетманщины) не было.

В старое время среди «сичовиков» было много поляков. Сечь не один раз рядом, стремя в стремя с «лахами», которых считала своими родными братьями, отражала нападение орды и турок. Батюшкам, именующим себя служителями христианского Бога любви и всепрощения, эти отношения братской дружбы между Сечью и Речью Посполитой оказались невыгодными, и руками православных попов и католических ксендзов, воспользовавшихся религиозною рознью, стали посеиваться семена взаимной вражды, давшие впоследствии обильный урожай в виде потоков человеческой крови. То же было

и с евреями, с которыми сначала казаки жили в дружбе. В Сечь не было доступа женщин, а еврею доступ был и даже более, еврей-ремесленник всегда был желанным гостем сичовиков, и это было не по сердцу батюшкам. Вместе с польскими панями они и здесь довели дело до крови: паны создали неестественные экономические отношения между казаками и еврейством, а попы и ксендзы усердно раздували пламя религиозного и национального антагонизма. Попов неумышленно изобличает в этом даже сам наиправославнейший Т.Г.Шевченко в своей поэме «Гайдамаки». Так было всегда, каждый раз, когда батюшки вмешивались во внутреннюю и внешнюю политику, их руками инквизиция облила Западную Европу потоками неповинной человеческой крови. Их стараниями человеческая кровь лилась во время бессмысленнейших крестовых походов. Их стараниями мученические венцы возлагались в России на главы так называемых раскольников. Все это делалось во имя христианского Бога любви.

Сечь была военной социал-демократической республикой. Она не только додумалась до идей, культивируемых теперь европейскими и американскими социал-демократами, но и пошла дальше, она провела их в жизнь, она создала то, что ныне являет собой заветную мечту сознательного пролетариата Европы и Америки и что может быть осуществлено лишь в будущем. Сечь в этом отношении определила сознательную часть культурного человечества XX века. В основе политического и социального уклада Сечи лежали свобода, равенство и братство, провозглашенные и проведенные в жизнь задолго до первой французской революции. Переведите эту формулу на французский язык, получится: французская революция изобразила эту формулу на бумаге в виде пресловутой декларации человеческих прав и за это получила название «великой». Если французская революция «великая» потому, что она лишь повторила то, что раньше ее сказал запорожец, то что же сказать об этом запорожце, как, каким именем назвать этого сугубо великого «чубатого сичовика», векового носителя и хранителя идеи свободы, равенства и братства? И это величие, это классическое величие было подточено панями и батюшками, ибо кроме татар и турок у южнорусского казачества появился третий враг - Польша. Вскоре же появился и четвертый в лице Москвы, которая со времени Ивана Калиты недремлемым оком высматривая «скотопитательные земли», неспешно, но вместе с тем и неустанно тянула свои руки к Украине. Дальнейшие политические судьбы сложились так, что Сечь и Гетманщина не выдержали периодических напоров с четырех сторон и пали. Пока существовала Сечь, она была сердцем всего вообще казачества, она держала в своих руках «декларацию прав» и камертон общеказачьей жизни, она в значительной мере направляла политическую и социальную жизнь гетманщины, бывшую в свою очередь образцом для остальных казачьих гнезд или казачьих «войск», не исключая и тех, которые формировались даже и из волжской понизовой вольницы. Сечь в значительной мере объединяла и роднила всех казаков. С того момента, как погибла Сечь, с того момента, как перестало биться это великое казачье сердце, нравственная связь между отдельными казачьими гнездами порвалась, никто не напоминал им с прежней настойчивостью о декларации, каждое такое гнездо зажило своей замкнутой изолированной жизнью.

С этого момента начинаются печальные страницы истории казачества, ибо с того же момента начинается широкая практика «мероприятий», явившихся в результате постепенно установившихся отношений к казачеству: широко эксплуатировать его несомненно высокие тогда боевые качества, постепенно вынуть из его груди «декларацию» и заставить его голову забыть содержание этой декларации. Все возрастающая разобщенность казачьих гнезд гарантировала широкий успех этому предприятию. Когда казак пробовал противиться изъятию «декларации», его или «усмиряли», или наоборот «ублажали угодами и льготами», время от времени заставляя или давая возможность «стараться и добывать» на войне. За этими делами он не замечал, как из его груди вынималась «декларация». Вместе с тем высокие врожденные боевые качества казака оставались собственными ему лишь до тех пор, пока на одном берегу реки жил он, а на другом враг, черкес или киргиз.

В старое время на Урале говорили: «Казак с пикой родится». Да, в старое время он родился с пикой, ибо иначе нельзя было жить, иначе смерть грозила, гибель. Вот он и родился с пикой, а когда вырастал под пулями, под непрерывным ожиданием набегов врага, он незаметно для самого себя превращался в выносливого, сметливого казака, в лихого рубаку, в отличного стрелка. Когда же его стараниями враг ушел с другого берега, и этот последний сделался мирным, стрелять было не в кого, рубить стало некого, не стало тех условий, среди которых казак старого времени по необходимости рождался с пикой. Боевые качества казака стали заметно падать. Этим воспользовались для широкой практики дальнейших мероприятий. С этого момента начинаются горестные страницы истории казачества. Казачьи войска стали наводняться петербургскими офицерами с немецкими фамилиями, которые ввиду замеченного упадка боевых качеств казака, стали обучать его рубить и стрелять на «солдатский манер», стали усердно превращать его в «святую серую скотину» (выражение покойного генерала Давгомирова). «Декларация» была окончательно извлечена из казачьей души и заменена предметами, не имеющими к ней никакого отношения. Тысячи казаков служили в денщиках, привыкли к лакейству, к нянчанию офицерских ребят и к мытью юбок офицерских жён. Другие тысячи служили с «колокольчиками». Третьи тысячи обучались гуртубинскими и иными «ероями» воевать с бабами и ребятами. При посредстве такого рода «мероприятий» от стародавнего казака не осталось ничего, кроме штанов с лампасами.

Давно когда-то над низовьями Днепра витал величественный образ могучего «чубатого сичовика». За плечами у него была «рушница», сбоку «шабелюка», за поясом «пистолы», а в руке невещественное знамя, на одной стороне которого было написано: свобода, равенство и братство, а на другой значилось: «Придите в Сечь все, жаждущие свободы, и Сечь успокоит вас». Прошло немного более столетия, и пра, пра, пра, пра... правнук этого сказочного богатыря, этого классически мощного носителя идеи свободы, ничтожный и бездушный, сохранивший от великого прошлого своих свободолюбивых предков одни лишь штаны с лампасами, он истязал в одном из городов бывшей московской Руси слабую, беззащитную девушку за то, что она осмелилась сказать:

«Я хочу, я требую моей несчастной родине свободы».